

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

Реалистический социализм

Третьяковская галерея
возродила узбекского авангардиста

Коммерсантъ 3. - 2007. - 17 марта. - с. 9

В Третьяковской галерее на Крымском валу открылась выставка к 120-летию Александра Волкова (1886–1957), русско-узбекского авангардиста, автора знаменитой «Гранатовой чайханы» из постоянной экспозиции Третьяковки. Около 200 картин и рисунков собрали на первую за последние сорок лет полноценную ретроспективу в Москве из нескольких крупных музеев обеих столиц и коллекции семьи художника. В чарующий мир Востока пыталась погрузиться АННА ТОЛСТОВА.

Третьяковка, Русский музей, Музей Востока, где в 1967-м прошла большая выставка, с которой и началось второе (посмертное) рождение малоизвестного дотоле в России ташкентского художника, музей-заповедник «Новый Иерусалим» — образ Александра Волкова получился собирательный, но неполный. Из музеев Ташкента и Нукуса не привезли ничего. А там Волков, уроженец Ферганы, который большую часть жизни прожил и проучительствовал в Ташкенте, получив официальное звание народного художника Узбекистана и неофициальный титул создателя узбекской школы модернизма, по слухам, самый лучший. Однако третьяковская ретроспектива все же вышла большой, и судя по ней, история Александра Волкова была на первый взгляд типичной для советского авангардиста.

Вот ранний Волков, поучившийся в мирискусническом Петербурге, но сбежавший в более авангардный по тем временам Киев — приобщаться к достижениям художественного прогресса и любоваться врубелевскими фресками во Владимирском соборе. Загадочно-витражная «Персиянка» выглядит, как если бы «Царевну-Лебедь» раскрасил в нахальные кричащие цвета какой-нибудь бубнововалетовец, а пейзажи середины 1910-х с формами, разламывающимися на треу-

гольники, говорят о поисках своего варианта кубизма. Тут бы ему и рвануть в Париж, а Волков в 1916-м возьми да и вернись в родной Туркестан. Впрочем, тогда многих тянуло на Восток: Павел Кузнецов двинул в киргизские степи, а Мартирос Сарьян — в неродную Армению.

В Ташкенте, понятно, начинаются восточные мотивы, верблюды, тюрбаны, мечети Шейхантаура. Треугольники, словно в хорезмийских плясках, закручиваются в круговые вихри, палитра сводится к пламенеющему красному и черному, как в орнаментах самаркандских сюзана, а краски плавятся, будто глазурь изразцов при обжиге. Однако в отличие от другого родоначальника узбекского модернизма, Александра Николаева, принявшего вместе с исламом псевдоним Усто Мумин, Волков в мусульманство не обратился, а напротив, ударился в христианское богоискательство, открывая в кругах и треугольниках предвечные смыслы. Так что бесконечные «караваны» кажутся вариациями на тему путешествия волхвов, «Черную женщину» из Русского музея хочется назвать восточной мадонной, а «Гранатовую чайхану» из Третьяковки — «Троицей» в узбекском стиле.

Но на протяжении 1920-х все это абстрактно-богословское формотворчество постепенно уступает место здоровому фигуративному искусству, а ориентальная экзотика — производственной теме. Бытовые зарисовки людей в халатах и тюбетейках, обнаруживающие восхитительное владение карандашом, пряно-живописные кишлаки, чайханы и базары мало-помалу превращаются в картины трудовых будней узбекского народа: «Окучка хлопка», «На стройке», «Штурм бездорожья». В этом месте полагается оплакивать еще одного съеденного соцреалистической эстетикой мастера.

Впрочем, сыновья юбиляра, художники Александр и Валерий Волковы, занимающиеся пропагандой творчества отца, протестуют против того, чтобы из Волкова-старшего делали жертву режима или соглашателя с ним. И они правы. Ну погромили его за формализм, в середине 1930-х помятче и в конце 1940-х пожестче. А кого не громили? Их, добровольных, а не ссыльно-переселенческих ташкентцев, трудно было чем-либо напугать: они и так уже сидели там, куда остальных сажали. На самом деле эволюция художника кажется глубоко внутренней, а не связанной с политикой партии и правительства.

Самое поразительное в Александре Волкове то, что вот просидел художник всю жизнь на краю света, а работал так, как будто бы до Парижа и Берлина рукой подать. Футуризм, орфизм, новая вещественность — все к его услугам. И, глядя в смуглые и раскосые, улыбающиеся от уха до уха лица волковских колхозников, понимаешь, что была у него претензия стать советским Диего Риверой, воспевать героическую историю трудового народа Востока в гигантских фресках на стенах общественных зданий. Он вообще-то еще в киевские годы рисовал эскизы каких-то витражно-фресковых панно, а в 1930-х создал целую артель монументалистов, «бригаду Волкова», разъезжавшую по ударным стройкам социалистического Узбекистана. Только в социалистическом Узбекистане не нашлось таких радикальных эстетов, как мексиканские коммунисты или американские империалисты, чтобы заказать ему, как Ривере, настоящую большую работу. В карьере Волкова был лишь один такой заказ: роспись павильона Туркестана для Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве в 1923 году. Словом, если непременно нужно искать трагедию в жизни художника, так вот она.

5

Ориентальные картины Александра Волкова погружают зрителей в состояние медитации. ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО